

зи с группой, в которой он вырос. Это, в первую очередь, связано с источником нации и ее культурой. Представители конструктивизма полагали, что нация конструируется человеком. В этом процессе правительство играет значительную роль и оказывает самое распространенное влияние. Сторонники инструментализма (или ситуационизма) полагали, что “только меняется ситуация индивида, изменяется и его групповая идентификация” [4, с. 30]. В общем, это связано с политической обстановкой и личными интересами. Следует отметить, что они не противоречат друг другу, а чаще всего взаимосвязаны. Так, в ходе изучения национальной идентичности важно учесть все эти подходы.

Национальная идентичность – сложное понятие. Чтобы в полной мере показать идентичность писателей, литературоведы должны обращать внимания на теории других наук. В. Л. Кигна-Дедлов родом белорус и воспитан в любви к Беларуси, естественно, с детства у него образовалось особенное чувство к этой стране и ее народу. В творчестве разных периодов отражается его белорусская привязанность. Однако национальная идентичность может быть конструирована. Несмотря на то, что писатель – белорус по происхождению, он в своих произведениях позднего периода проявил яркую русскую идентичность. Это связано с тем, что литератор жил в те времена, когда правительство Российской империи активно распространило идею “большой русский народ”. Очевидно, что в творчестве В. Л. Кигна-Дедлова существует заметная трансформация идентичности от белорусской к русской. Этому повороту способствовали внешнее привлечение, социально-политическая обстановка и личные интересы. Позднее во время Русско-японской войны он проявил поднятый патриотизм, который считается важным отражением гражданской идентичности. Таким образом, у В. Л. Кигна-Дедлова многоуровневая идентичность – белорусская, русская и российская, только акцент делается по-разному в разные годы.

Список литературы

- 1 Скибина, О. М. Творчество В. Л. Кигна-Дедлова: Проблематика и поэтика / О. М. Скибина. – 2-е изд., испр. и доп. – Оренбург : ОГПУ, 2013. – 360 с.
- 2 Желтова, Н. Ю. Русское и белорусское в прозе В. Л. Кигна-Дедлова: к проблеме национальной идентичности / Н. Ю. Желтова // Филологическая регионалистика. – 2016. – № 4 (20). – С. 16–20.
- 3 Курина, Т. А. Путевые заметки В. Л. Кигна-Дедлова: опыт познания русского национального характера и особенностей русской культуры / Н. Ю. Курина // Филологическая регионалистика. – 2010. – Выпуск 1-2. – С. 41–47.
- 4 Смит, Э. Национальная идентичность / Э. Смит. – Киев : Основы, 1994. – 224 с.
- 5 Букчин, С. В. Дорогой Антон Павлович. Очерки о корреспондентах А. П. Чехова / С. В. Букчин. – Минск : Наука и техника, 1973. – 143 с.
- 6 费孝通. 中华民族多元一体 [M]. 北京: 中央民族大学出版社, 2003年. 372 页.

УДК 821.161.3-3*А.Козлов

С. Б. ЦЫБАКОВА
(г. Гомель, ГГУ имени Ф. Скорины)

ПРОБЛЕМА СЧАСТЬЯ В ТВОРЧЕСТВЕ АНАТОЛЯ КОЗЛОВА 2010-Х ГОДОВ

Предмет исследования в статье – проблема счастья в повестях Анатоля Козлова 2010-х годов «Абганяючы сны», «Ладонь на плече», «Вопрос и многоточие, или Голос». Данная проблема рассмотрена во взаимосвязи с такими экзистенциальными проблемами, как одиночество, смысл жизни. Цель исследования – выявление характеристик счастья в

названных выше произведениях, их обусловленности особенностями душевного склада и противоречиями личностного сознания типологически близких героев повестей. Установлено, что персонажи-индивидуалисты А. Козлова находятся в состоянии экзистенциального смыслового кризиса в ситуации нереализованности значимых для них идеалов.

Проблема счастья в творчестве Анатолия Козлова 2010-х годов тесно связана с осмыслением свободы, одиночества, любви, смысла жизни. И это не случайно, поскольку феномен счастья определяется не столько внешними факторами (социальный успех, материальное обогащение и др.), сколько, прежде всего, мерой самопознания, пониманием человеком степени и границ личной свободы, внутреннего роста, своей уникальности и неизбежной зависимости от других людей, социума.

Смысл жизни, одиночество как фундаментальные проблемы человеческого бытия, любовь не могут быть не вовлечены в исследование счастья, поскольку через их сложные и часто взаимоисключающие характеристики раскрывается глубинная, но ускользающая от рационального объяснения суть этого, в свою очередь, неоднозначного феномена. Счастье в разных его проявлениях («семейное», «мужское» и др.) является одной из важнейших категорий в художественном сознании автора повестей «Абганяючы сны», «Ладонь на плече», «Вопрос и многоточие, или Голос», в центре внимания которого «эстетическая реализация пессимистического индивидуализма» [1, с. 169]. И. Морозовой обозначены факторы, определившие «пессимистический индивидуализм» персонажа повести «Ладонь на плече» Вируна: «отсутствие семьи, отсутствие любви, отсутствие женщины, способной вызвать восхищение и упорядочить несложившуюся личную жизнь, рабочие будни, не приносящие удовлетворения, отсутствие хобби...» [1, с. 169]. Очевидно, что в своей совокупности перечисленные «отсутствия» создают образ одинокого и несчастного человека. Вместе с тем «главное хобби героя – бесконечная рефлексия, непрекращающийся внутренний монолог, требующий уединения и тишины...» [1, с. 169], свидетельствует о том, что Вирун – самокритичный интеллигент, носитель заблокированного комплексом темных черт своей натуры творческого сознания. Рефлексивность, характеризующая Вируна, – одна из главных черт личностного сознания персонажей, типологически сходных с ним, – Юджына («Абганяючы сны»), Антона («Вопрос и многоточие, или Голос»).

Исходя из неудачного супружеского опыта, лишённого вопреки ожиданиям героя «бескорыстной, искренней любви» [2, с. 4], Вирун приходит к убеждению, что семейная жизнь не подходит ему. Скептическое отношение к узам Гименея сочетается у него с равнодушием к отцовству, к продолжению рода. «Не пришлось ему переживать и за детей: их не было ни от одной из жен. Зачем плодить нищих?» [2, с. 4]. Юджын тяготеет к семейному счастью, сравнивая его с «сытай коткай» [3, с. 26]. Услышав от Ирины, к которой он чувствовал «что-то кровное и родное, как к сестре» [4, с. 3], вопрос о том, когда он «в последний раз виделся с женой» [4, с. 3], Антон отвечает в резкой риторически-вопросительной манере: «С какой? Конкретизируй...» [4, с. 3]. Брачные союзы Вируна, лишённые взаимопонимания, разрушили его веру в возможность доверительных отношений между мужчиной и женщиной, ставших мужем и женой. Но если Вируну, по его мнению, «подворачивались завистливые и властолюбивые подружки» [2, с. 4], то в Руслане, отличающейся деликатностью и сердечностью, герой повести «Абганяючы сны» нашел свое счастье: «Гэта маё шчасце, – так вырашыў Юджын, – з ёю да скону і жыць мне...» [3, с. 25]. Писатель показывает амбивалентные переживания персонажа, его желание насладиться свободой от привычной жизни и осознание безрассудства такого состояния, опустошающего и истощающего жизненную энергию. Юджын стремится обрести свободу от семейного союза. Сытая кошка олицетворяет неприемлемый для героя, характеризующего себя по натуре как одиночку, обыденно-земной идеал семейного счастья. Подобно домашней, регулярно питающейся с хозяйских рук кошке, у которой ослабевают охотничьи инстинкты, азарт игры, супружество обеспечивает комфортное сосуществование за счет взаимных уступок, вследствие чего нередко утрачивается общение на уровне подлинных чувств. Сытая кошка – воплощение душевных черт Русланы, которая

стремится к комфортному, энтропийному по своей сути сосуществованию. Не обременяют себя какими-либо обязательствами перед своими спутницами Вирун и Антон. Они не переносят женских аффектов, но находятся, как и Юджын, в плену у собственных прихотей и страстей. Персонаж повести «Абганяючы сны», вспоминая о радости, которую приносили ему совместно прожитые дни с Русланой, признается: «Але ў адзін чорны дзень мне падалося, што гэтага недастаткова для майго мужчынскага шчасця» [3, с. 12]. Многолетний поиск Вируном «своего счастья» [2, с. 8] оборачивается жестокостью, эгоизмом по отношению к женщинам, приносит им несчастье. Анатолий Козлов показывает несостоятельность персонажей-индивидуалистов в «своем счастье». Изменяя Руслане, Юджын реализует аморальное желание «кахання без абавязкаў» [3, с. 15], «разгулу асалоды» [3, с. 15]. В поведении Антона, представляющего собой ту же модель индивидуалистического гедонизма, уже со всей очевидностью преобладает деструктивность, которая, в концепции гуманистической этики Э. Фромма, «развивается вследствие блокировки продуктивной энергии» [5, с. 276]. Феномен счастья Э. Фромма понимал как «показатель того, что человек нашел ответ на вопрос человеческого существования в продуктивной реализации своих возможностей, одновременном единстве с миром и сохранении целостности своего Я» [5, с. 2]. Преобладание рационального начала в отношении человека к самому себе, к своей жизни, к другим людям ставится аффективными, импульсивными персонажами Анатолия Козлова под сомнение. Путь же саморазрушения, напротив, декларируется в качестве едва ли не фатального свойства природы человека, его неизбежной и непреодолимой зависимости от своих порочных влечений. «Знаеш, детка, в жизни человек учится без труда только одному – это разрушать себя», – в наставительном тоне замечает Антон в диалоге с Ириной [4, с. 6]. «Люди созданы для саморазрушения» [4, с. 16], – утверждает Голос, невидимый собеседник Антона. Осознание Юджыном неприемлемости безмерной растраты витальной энергии рождает в идейно-художественном контексте повести «Абганяючы сны» образ призрачной старой женщины, по-настоящему не равнодушной к герою, укоряющей его в безрассудстве. Мудрая «бабулька ў валёнках з чырвонымі галёшамі» [3, с. 70] выражает мысль о сокровенности счастья, невозможности разделить его с другими: «Вось шчасцем людзі дзяліцца не любяць, баяцца, што сурочаць. Бяду ж бальшыня прывыкла выстаўляць напаказ...» [3, с. 34].

По словам Ирины, «проще жить с песчаным счастьем за пазухой, чем стоять на вершине скалы над бездной и восхищаться упругим ветром, который подталкивает тебя в спину» [4, с. 5]. «Песчаное счастье» может быть истолковано как метафора широко известных, стереотипных представлений о факторах счастья, бытующих в обыденном сознании. Размышления Ирины не выходят за границы литературного романтического индивидуализма и порождены на самом деле женским кокетством, стремлением вызвать со стороны мнимого возлюбленного одобрение своей готовностью к риску.

В авторской индивидуалистическо-нигилистической философии бытия человека в мире одиночество – имманентное свойство человеческой души. Анатолий Козлов раскрывает мысль о том, что «одиночество человеческой души» [2, с. 28] неизбежно, непреодолимо, коренится в глубинных архетипических слоях человеческой психики. «Ад наших прабацькоў перадалася нам, ад нас вам перацякла адзінотнасць душы» [3, с. 71], – говорит Юджыну только ему одному видимая бабулька, хранительница родовой памяти, непреходящей мудрости предков. Человек, по мысли Юджына, «шчаслівы сваім, нікому не бачным і не зразумелым шчасцем» [3, с. 36].

Героев Анатолия Козлова отличает повышенная потребность в уединении, в тишине и рефлексии, в ограждении себя, своего сознания от многочисленных и разнородных потоков информации, пронизывающих жизнь человека в современном обществе. Прогулки по окраинам города и окрестностям неподалеку от него, где сохранились «островки» природного бытия, разрушенного урбанизацией, – это средство насладиться красотой окружающего пейзажа, избавиться от депрессии, обрести внутреннюю гармонию. Единение с природным миром, запечатление его образа в своей душе не может не даровать радость, приносить удовольствие, которое есть «атрибутивное свойство счастья» [6, с. 414]. Индивидуалисты-

интроверты чутки и внимательны ко всем, встретившимся им на пути проявлениям жизни растительного и животного царств, нередко отыскивая в них особый, значимый для себя символический смысл. Вирун винит себя в гибели улитки, которую он ненароком раздавил во время одной из загородных прогулок. «Ну что такое для человечества, планеты какая-то улитка или ласточка, заяц, косуля или человек? Это невидимая глазу дробинка, пылинка... Сколько об этом я читал в умных книжках! А вот сегодня в самом деле почувствовал, что осиротил мир на одно существо» [2, с. 18], – сокрушается он. «Божье создание» [2, с. 18], внезапно ставшее аморфным сгустком, вызывает мысль о хрупкости жизни, которая может оборваться по вине слепого случая. В существах окружающей живой природы персонажи повестей Анатоля Козлова видят символы нравственно-духовных сторон и проблем человеческого бытия. На воробья, замеченного на ступеньках аптеки, который «упорно, не спеша, клевал высохшую корку батона» [4, с. 15], Антон проецирует способность довольствоваться малым, ценить счастливые миги скоротечной жизни, что не свойственно, как правило, современникам-прагматикам, погруженным в повседневную суету, охваченным жаждой делового успеха и чрезмерного потребления. Воробья, в отличие от людей, которые «спешили жить», «суетились» [4, с. 15], «не донимали муки совести, не терзала сердце зависть, не рывала внутренности жадность, не отравляло кровь желание иметь больше» [4, с. 15].

В стремлении к обретению внутренней целостности через общение и единение с природой проявляется склонность героев Анатоля Козлова в реалиях окружающего мира распознавать знаки присутствия невидимой реальности. «Счастье не может быть формой бытия, в котором заключена его суетность. <...>. Главная задача в жизни – в изнуряющей повседневности находить более чем не повседневный контекст» [6, с. 343], – утверждает Н. Г. Козин, всесторонне исследовавший экзистенциальный феномен счастья. Однако своими размышлениями, наблюдениями Вирун делится не с человеком, а с куклой, лишая себя радости и счастья полноценного общения. В данном случае герой сознательно избирает несчастье, в то время как счастье – «это всегда обмен благом между людьми» [6, с. 63]. Несчастливым с этой точки зрения предстает и Антон, который по сравнению с Юджыном и Вируном еще в большей степени замыкается в своем одиночестве, нигилизме и пессимизме: «Я человек без возраста, без лица и глуповатых амбиций» [4, с. 12]. Его индивидуалистическая позиция обусловлена неприятием нравственной ущербности современников, сконцентрированных на достижении земных благ, социального успеха, славы. Во второй половине жизни герой сохраняет верность патриархальным героико-романтическим идеалам, считая, что «главная ценность жизни – быть независимым, свободным и смелым» [4, с. 12]. Отстаивание самодостаточности – отзвук героической модели поведения, реализованной в образе созданного писателем в рассказе «Вечны Верас» мужественного и самоотверженного юноши. «Я – Улитослимак. Обычный среди миллионов других. <...>. Я не ищущу смысла жизни. Давно не ищущу. Понял однажды, что его просто не существует. Это всего лишь иллюзия, которой заполняем внутреннюю пустоту с момента рождения» [4, с. 10], – признается символический персонаж-двойник героя Улитослимак. В отрицании Антоном смысла жизни показана близость персонажа к «ситуации экзистенциального вакуума – полной потери ценностей и смыслов своего существования» [6, с. 50]. Нигилистическое отношение к проблеме смысла жизни выражено в повести «Ладонь на плече». В разговоре с сестрой Вирун говорит ей: «Нинель, смысл жизни – в ее бессмысленности» [2, с. 14]. Тем не менее, концентрация внимания автора повестей на вопросе о поиске его персонажами смысла своего существования говорит о нравственно-философской значимости этого вопроса для писателя. Если посмотреть на Вируна и Антона «через призму диалектики интересов и ценностей» [6, с. 21], то герои в большей степени «руководствуются в своей жизни ценностями и только после этого и на основе этого еще и вытекающими из них интересами» [6, с. 21]. «Человек счастья в мире интересов представлен преимущественно через свое потребительское “я”, в мире ценностей – через свою духовную сущность» [6, с. 22], считает Н. Г. Козин. В иносказательной форме в повести «Вопрос и многоточие, или Голос» жизненные модели поведения современников, представ-

ляющих «ценностное и меркантильное счастье» [6, с. 22], воплощены в образах слизня и сбежавшего из резервации Улиито-Слимака, которому «никому не надо доказывать свою значительность и утешать неосуществимостью свое самолюбие» [4, с. 10]. В прозе Анатоля Козлова раскрывается духовная нищета, бессмысленность «меркантильного счастья» (Н. Г. Козин) и неизбежность поражения в столкновении и борьбе всевозможных утилитарных интересов наследников Вечного Вереска, чей героический идеализм и максимализм выродились в пессимистический индивидуализм и хроническое уныние: «<...> в нынешние времена наибольший героизм человека проявляется в бездействии» [6, с. 20]. «Позиция безвольного Улиито-Слимака» [6, с. 20] – форма сопротивления неприемлемым для героя социальным явлениям, взглядам, поведенческим схемам. Стремление персонажей Анатоля Козлова к сохранению человеческого достоинства, противостояние разрушительному воздействию меркантилизма, ханжества составляют важнейший смысл их жизни.

Завершая проведенное исследование, отметим, что герои повестей Анатоля Козлова 2010-х годов Юджын, Вирун, Антон-Улиито-Слимак – противоречивые личности, пытающиеся найти выход из состояния внутреннего разлада, но отстаивающие проникнутую пессимизмом жизненную философию индивидуалиста-одиночки. Они не могут сохранить свое семейное счастье, часто становясь на путь деструктивного эгоистического гедонизма и нигилизма. Одиночество осознается ими как извечная, имеющая архетипическую основу категория-константа бытия всех людей, потребность человеческой души. Анатодем Козловым раскрывается диалектическая взаимосвязь между проблемами счастья и смысла жизни. В образе Антона-Улиито-Слимака наиболее глубоко и последовательно раскрывается состояние экзистенциального смыслового кризиса, порожденного противоречиями индивидуалистического сознания героя. Сущностные характеристики счастья как компоненты авторской философии человека и мира – антиэнтропийность, внутренняя гармонизация через единение с природой и самопознание, отстаивание независимости от мнимых ценностей современной урбанистической цивилизации, разрушающих подлинно гуманные основы социального бытия.

Список литературы

- 1 Морозова, И. Ускользящий смысл бытия? / И. Морозова // Неман. – 2019. – № 6. – С. 169–176.
- 2 Козлов, Анатолий. Ладонь на плече / Анатолий Козлов // Неман. – 2016. – № 12. – С. 3–28.
- 3 Казлоў, А. С. Абганяючы сны / Анатолий Казлоў // Той, хто абганяе сны: аповесці / Анатолий Казлоў; маст. А. Капульцэвіч. – Мінск : Мастацкая літаратура, 2014. – С. 5–79.
- 4 Козлов, Анатолий. Вопрос и многоочие, или Голос / Анатолий Козлов // Неман. – 2018. – № 12. – С. 3–37.
- 5 Фромм, Э. Человек для себя / Эрих Фромм; пер. с англ. А. Александровой. – М. : Издательство АСТ, 2020. – 320 с.
- 6 Козин, Н. Г. Анамнез счастья. Философские смыслы повседневности / Н. Г. Козин. – М. : Академический проект, 2015. – 427 с.

УДК 821.161.3

Н. П. ЧУКІЧОВА

(г. Гродна, Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Я. Купалы)

БЕЛАРУСКІ НАЦЫЯНАЛЬНЫ СЮЖЭТ: INITIUM EST EXITIUM

На матэрыяле зыходнай мастацкай сітуацыі і завязкі ў трох сюжэтах розных аўтараў (С. Пільштыновай, К. Вераніцына і Ф. Багушэвіча) паказаны тры этапныя фазы станаўлення беларускага сюжэта з выразнымі маркерамі нацыянальнага светаўспрыняцця,